

Александр Яковлев

Большевизм — социальная болезнь XX века

«ЧЕРНАЯ КНИГА КОММУНИЗМА» — историко-публицистическое исследование преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России. Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Переведена на 31 язык. На русском языке вышла в издательстве «Три века истории». Вступительную статью к «ЧЕРНОЙ КНИГЕ КОММУНИЗМА» на русском языке написал политический и общественный деятель, публицист, социальный мыслитель, академик РАН Александр Николаевич Яковлев.

... Он прошел путь, исполненный глубокого драматизма, — от искреннего, последовательного коммуниста до искреннего последовательного демократа, антикоммуниста. Он описал в своих честных исповедальных книгах все противоречия, все сложности, все муки этого пути. Пожалуй, никто из наших современников не вложил столько сил, столько ума, не потратил столько времени для того, чтобы завоевания свободы, демократии в нашей стране, при всей их неполноте и фрагментарности, стали, тем не менее прочными, необратимыми.

Александр ГЕЛЬМАН

фото: krugosvet.ru

(окончание, начало в №№ 100-111)

Однако насколько же коварна и коротка наша память.

Мы уже готовы забыть, что немедленно после октябрьского переворота были запрещены все оппозиционные газеты, начались преследования всех некоммунистических партий. Социал-демократическая партия, которую возглавлял Ленин, была быстренько переименована в коммунистическую. Была развязана братоубийственная гражданская война, в крови потоплены кронштадтское сопротивление, крестьянские восстания в Поволжье, на Дону, в Сибири.

Нам неприятно признавать, что В. Ульянов-Ленин, перед которым нас заставляли стоять на коленях, оказался убийцей с большой дороги. Именно он уничтожил нашу родину-мать Россию, бросил ее, как охапку хвороста, чтобы разжечь костер «мировой революции». Именно он санкционировал «красный террор», создание концентрационных лагерей, в том числе для детей-заложников, применение удушливых газов против восставших тамбовских крестьян. Именно он несет ответственность за бессмысленные жертвы гражданской войны.

Мы стали забывать, с какой свирепостью Ленин и ленинцы уничтожали крестьянство, дворянство, купечество, офицерство, творческую и научную интеллигенцию. Именно у Ленина была патологическая ненависть к русскому народу, православию, культуре.

Вспомним совсем близкое наше бытие. XX съезд, на котором нам кое-что рассказали о Сталине. Но тут же посадили в тюрьму тех романтиков, что приняли интриги в борьбе за власть за десталинизацию. Затем осудили неразрешенную «оттепель» и продолжили преследования инакомыслящих.

Но вирус сомнения совсем убить было уже невозможно. Семя недовольства прорастала и развивалась. Вспомним исповедальную

деревенскую прозу. Вспомним стихи поэтов и песни бардов. Вспомним расхожие анекдоты, беседы за полночь на кухнях и многое другое.

Как прозрачно проявлялось во всем этом, с одной стороны, осознание убожества нашего бытия. А с другой — отчетливое ощущение собственного бессилия, идущее от липкого страха перед властью, равно как и от нашей лени — физической и душевной, от неумения и нежелания победить самих себя, от неуважения к самим себе, острого дефицита собственного достоинства.

«Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть смотреть и доносить, — писал соратник Ильича Гусев. — Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства... Можно быть прекрасными друзьями, но раз мы начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше — идти на доносительство».

Уже к 10-летию октябрьского переворота — Кольцов, столь трогательно оплакиваемый «шестидесятниками», восхищался бдительностью советского человека:

«Если белый гость покажется подозрительным, им тревожно заинтересуется фракция жилтоварищества. На него обратит внимание комсомолец-слесарь, починавший водопровод. Прислуга начнет пристальнее всматриваться в показавшегося ей странным жильца. Наконец, дочка соседа, пионерка,

услышав случайный разговор в коридоре, вечером долго не будет спать, что-то, лежа в кровати, взволнованно соображать. И все они сами пойдут в ГПУ и сами расскажут о том, что видели и слышали».

И, как бы отвечая «проклятому Западу», сколько человек тайно работает на ГПУ, Кольцов повизгивает от восторга:

«Не сорок, не шестьдесят, не сто тысяч человек работают для ГПУ. Какие пустяки! Миллион двести тысяч членов партии, два миллиона комсомольцев, десять миллионов членов профсоюза — свыше 13 миллионов (миллион «чертовых дюжин»!) по самой меньшей мере. Если взяться этот актив уточнить, несомненно, цифра вырастет вдвое».

Когда нынешние аналитики пишут о перестройке, неважно, поддерживая ее или критикуя, они обходят стороной суть явления, а именно то, что новый политический курс означал

исторический поворот от революции к эволюции то есть переход к социал-реформизму. Страна практически встала на путь социал-демократического развития. На официальном партийном уровне в начале перестройки это упорно отрицалось, в том числе и мною (иначе и быть не могло), но в жизни восторжествовала именно концепция реформ.

Как бы там ни было, но перестройка спасла страну и народ от новой граждан-

ской войны, которую Россия уже не смогла бы пережить. Гадко и омерзительно жить сейчас. По многим причинам. Но не будь перестройки, было бы значительно гаже.

Горбачевский режим — арьергард ушедшей в подполье номенклатуры, ельцинский — авангард новой, вышедшей из подполья. В этом авангарде немало старых лиц, сумевших при уходе развернуться на 180 градусов. Но немало и новых, некоторые из них — благородно-либеральности. Их мало. Но они есть. И хочется верить, что они выведут страну на главную магистраль прогресса, имя которой либерализм. Не вина, а беда Горбачева и Ельцина, что они не достигли неокантианского и либерального озарения. Не дано. Как не достигла этого и страна в целом. Только Бог знает, когда это произойдет. Но отправная точка известна: эпоха перестройки.

В заключение хотел бы высказать несколько соображений по книге. Сила ее — в документальности. Она рассказывает о коммунизме как явлении мирового порядка, его катастрофическом влиянии на развитие че-

ловечества. Но, как мне представляется, в политологии произошло смешение понятий. Коммунизма реального нигде не было и быть не могло. Коммунистическая теория — это утопия, игра фантазии, злой обман, игра на инстинктах, спекуляция на реальных социальных уродствах и противоречиях. Маркс и Энгельс ловко приспособили многовековые коммунистические идеи к условиям эпохи первоначального накопления капитала, объявив коммунизм конечной целью общественного развития, а рабочий класс — могильщиком капитализма.

В этой схеме русские большевики увидели спекулятивную возможность мобилизации обнищавших и бесправных масс России на свержение старого режима на основе мести и ненависти. Заманчивая мечта переродилась в уродливую практику, которую я называю большевизмом. Он интернационален, но в каждой стране приобрел свои особенности. Нацизм — в Германии, фашизм — в Италии, франкизм — в Испании, маоизм — в Китае и т. д.

Свои особенности он имеет и в тех странах, где определенные силы, называющие себя коммунистическими, не сумели прийти к власти, остались на уровне носителей спекулятивных идеалов охлократии.

Другое мое соображение вызвано распространенной неточностью в определении времени свержения большевизма в России. Советские и российские политологи за точку отсчета взяли август 1991 года — военно-фашистский мятеж большевистской верхушки. Эту трактовку взяли на вооружение и западные политологи. Я не могу согласиться с этим.

Во-первых, смена любого строя — не моментный акт, а длительное вызревание чего-то нового во всех областях жизни, особенно в сознании. Агония коммунизма-большевизма (употребим такой термин) началась сразу же после смерти Сталина. Еще памятны политические кульбиты того времени. Особенно активная фаза этой агонии началась в 1985 году, с началом перестройки. Еще до 1991 года была изъята из Конституции 6-я статья (о руководящей роли КПСС), началась эпоха гласности, парламентаризма, прекращены политические репрессии и преследования церкви, возобновлена реабилитация жертв политических репрессий, закончена холодная война.

Во-вторых, разгром мятежа 1991 года — великое событие. Но без обстановки, созданной перестройкой, не было бы ни путча, ни его поражения. Большевики восстали против Горбачева, а заодно и Ельцина. Кроме того, не стоит умиляться: коммунистическая партия до сих пор правит в парламенте, правит во многих регионах, стремится к захвату президентской власти. Так что и краха еще не случилось, а торможение демократических реформ продолжается, и наши студенты и школьники продолжают учиться по тем же (по содержанию) учебникам, что и раньше.

В заключение следует подчеркнуть значение, которое должна иметь «Черная книга коммунизма» в современном российском обществе. Нет сомнения, что читатель найдет ее чрезвычайно интересной. Она правдива и поучительна.

А. Н. Яковлев